

УДК. 167/168; 165.5 (141.78 +140.8)
ББК 6/8: 87.6

Андрей Петрович Фомин
Andrey Fomin
e-mail fortuna2005@yandex.ru

Абстракция как атрибут современности
Abstraction as attribute of modernity

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена.
Herzen University*

Концепция информационного общества, в которой информации придается статус сущности этого общества, является свидетельством современного кризиса рационализма как философской парадигмы. Диалектика категорий абстрактного и конкретного позволяет понять, что сущностью информационного общества как социальной реальности является не информация, а абстракция как отрыв всех сфер общества и всех социальных институтов от смыслов и действительного содержания. Но важно понимать, что само информационное общество таким путем превращается в бедную абстракцию и существует ровно до тех пор, пока мы видим в информации собственную сущность и основную гарантию прогресса.

Ключевые слова: информационное общество, информация, рационализм, наука, конкретное, абстрактное, абстракция.

The conception of the information society, in which information is given the status of this society essence, testifies the modern crisis of rationalism as a philosophical paradigm. The dialectics of such categories as the abstract and the concrete allows us to understand that the essence of the information society as a social reality is not information but abstraction as a separation of all spheres of society and all social institutions from senses and actual content. But it is important to realize that thus the information society itself becomes a poor abstraction and exists exactly as long as we see our own essence and the only guarantee of the progress in information.

Keywords: information society, information, rationalism, science, concrete, abstract, abstraction.

За сегодняшним мировым кризисом ценностей и смыслов, доходящим до прямых конфликтов, очевидно стоит кризис рационализма как философской парадигмы. Так, один из европейских интеллектуалов утверждает и аргументированно доказывает в объемной книге, что западная мысль на протяжении всей своей истории занимается политической «идеологией...То есть как раз тем “заинтересованным” искажением смыслов, тем злоупотреблением пластичностью естественного языка, противостоять которому... призвана философия» [1, стр. 285].

В отечественной философии этот кризис рационализма был констатирован академиком В.С. Степиным в 80-е годы в его классификации «типов научной рациональности». Согласно этой концепции, на смену классической научной рациональности пришла неклассическая, которая в наше время сменяется постнеклассической. Постнеклассическая наука отличается 1) изменением характера научной действительности, связанным с компьютеризацией; 2) распространением междисциплинарных исследований; 3) повышением значения политических и социально-экономических факторов развития науки; 4) трактовкой объекта науки как сложной саморазвивающейся системы, способной к самоорганизации; 5) включением ценностных факторов в науку; 6) использованием методик гуманитарных исследований в естественной науке. По существу, речь шла о тенденции гуманизации, поворота науки к человеку, ибо главный смысл и главная ценность, по общему признанию, все же человек.

С тех пор прошло более тридцати лет. Компьютеризация стремительно ширится, междисциплинарные исследования декларируются как приоритетные и где только не проводятся, политические и социально-экономические факторы в науке отслеживаются и учитываются, синергетика стала едва ли не самой модной концепцией, о ценностях говорят на каждом шагу, а гуманитарные методики стали уже гуманитарными технологиями. «Постнеклассическая наука» действительно обеспечила рост естественнонаучного знания, но никак не знания гуманитарного. Создается впечатление, что этот рост касается чего угодно, только не человека и современного человеческого общества. То есть как раз того самого поворота к человеку, гуманизации науки и не произошло. Ведь ясно же, что глубочайшие исследования генетиков, хирургов-трансплантологов или специалистов, исследующих физиологию мозга, ничего существенного в понимание человека не внесли. Далека от понимания человека и концепция информационного общества.

Не надо глубоких исследований, чтобы понять истинный смысл классификации В.С. Степина. «Классический тип научной рациональности» – это ни что иное, как сциентизм, закономерно вытекающий из европейского неопозитивизма XX века и позитивизма О. Конта, который, в свою очередь, корнями своими уходит в

механистический материализм эпохи Просвещения. То есть та самая идеология.

Отечественный сциентизм пытается преодолеть В.С. Швырев. Опираясь на психологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева, автор трактует научную деятельность как один из видов деятельности, свойственный ученым. Отличается этот вид деятельности от других тем, что, во-первых, предметом этой деятельности является знание и его добывание; а во-вторых, рефлексией науки по поводу собственных оснований, то есть наличием методологии. «До выхода на подобную позицию мы, по существу, можем говорить лишь о действиях со знанием и внутри знания, но не о порождающей знание деятельности» [2, стр. 221]. Такой уход в психологию из поля философской проблематики не позволяет автору выйти на действительный диалектический анализ понятия, знания как системы научных понятий и научного познания как особого процесса продвижения к истине, которые остаются им не определены. Подробнейший анализ эмпирической и теоретической формы научной деятельности у него по-прежнему остается анализом психологическим, а не философским и не доходит в этой рефлексии до тех самых оснований, о которых он пишет, как об атрибуте научной деятельности.

Представляется, что разобраться в этой неопределенности помогут категории абстрактного и конкретного, с помощью которых мы и попытаемся ответить на вопрос почему информационное общество не способствует решению проблемы смыслов и ценностей, а, напротив, только усугубляет ее.

В русскоязычном Интернете, родной для информационного общества среде, подавляюще господствует формально-логическая, то есть позитивистская трактовка абстрактного и конкретного, в то время, как гегелевская, то есть диалектическая трактовка этих категорий в энциклопедиях и словарях в лучшем случае встречается на втором или третьем месте, а в большинстве источников вообще не упоминается. В этой традиции абстрактное как «одностороннее, простое, не развитое; сторона, часть целого; противостоит конкретному» определяется как результат операции абстрагирования как процесса формирования понятия, «мысленного отвлечения» от конкретного, то есть наглядного, эмпирии. Абстрактное – это чисто мысленное по отношению к непосредственно переживаемому, конкретному.

Но и в профессиональных источниках такая же картина. Например, в «Философском энциклопедическом словаре» (1984) мы не найдем отдельных статей «абстрактное» и «конкретное», есть только статья В.С. Швырева «Восхождение от абстрактного к конкретному». В ней автор выделяет то, что отличает позицию Маркса от Гегеля, и совсем не замечает то, что их объединяет. А объединяет их диалектика, и это – главное. В результате абстрактным в научном познании в естественных науках у него является «исходная теоретическая конструкция» из неких

аксиом, таких, как система материальных точек в механике, молекулярно-кинетическая модель идеального газа и т.д. От этого абстрактного наука восходит к системе научных понятий и к теориям как конкретному, после чего происходит обращение к «реальной конкретности», которая является стимулом всего этого процесса восхождения от абстрактного к конкретному.

Вопреки официальной борьбе с позитивизмом именно эта концепция победила и нашла в отечественной философии поддержку. Причину убедительно раскрывает С.Н. Мареев: «Надо отметить, что это было вообще время, когда идея подведения под марксизм «естественнонаучной основы» господствовала в философском сознании. И это вполне объяснимо, – в особенности в свете опубликованных заметок В.И. Вернадского, – основная масса естествоиспытателей, которые марксизма не знали и знать просто не могли, тяготели к так называемому естественнонаучному материализму и, столкнувшись с необходимостью как-то считаться с официальным «диаматом», интерпретировали его положения в терминах и представлениях, свойственных естествознанию: рефлексологии, дарвинизму и т.д. «Диамат» превратился в естественнонаучный материализм, помазанный сверху марксистским миррой, то есть приправой из марксистских фраз о партийности, классовости, непримиримости идеализма и материализма и т.д.» [3, стр.9].

Такое разведение абстрактного и конкретного по разные стороны бытия, какое мы встречаем сегодня повсеместно в философской литературе, приводит к выводам, которые в условиях информационного общества, потерявшего методологические и мировоззренческие ориентиры, могут быть весьма опасными. Движение мысли здесь возможно по двум путям. Либо эмпирический мир вещей называют абстрактным и от него, дескать, мы переходим к понятиям как конкретному, то есть к сущности, к пониманию. Тем самым приносят эмпирический мир как «бедную абстракцию» в жертву неким идеологемам, мыслительным конструкциям, принципам, которые, якобы, богаче содержанием. И рождается философия, бесконечно комбинирующая «сущности», философия «неклассического» конструктивизма. Либо, наоборот, наше мышление именуют абстрактным, а эмпирический мир вещей конкретным и богатым содержанием. В этом случае, напротив, богатое духовное содержание культуры приносится в жертву обыденности, повседневности, конъюнктурной выгоде. И тогда рождается философия обыденности и субъективизма, для которой вершиной является проблема успеха и личного счастья. Очевидно, что это как раз и есть намеренное идеологическое искажение смыслов.

Нам представляется, что точкой бифуркации, с которой берет начало кризис рационализма в отечественной философии, и поворот нашей философии в сторону позитивизма начался с непонимания концепции

мышления Э.В. Ильенкова. Заявляя, что предметом философии должно быть мышление, философ не только не уходил от действительности в область «чистой мысли», в чем его пытались обвинить, а наоборот к этой самой действительности и приближался. Через правильно, не механистически понимаемое мышление именно действительность и становилось предметом философского анализа. Оппоненты же его, напротив, бряцая цитатами из Гегеля и Маркса, от действительности отдалялись в тот самый позитивизм, изгоняя настоящую диалектику из философского анализа.

Это касается и его неофициального оппонента, «друга-врага» А.А. Зиновьева, который, занимаясь ровно той же проблемой, по выражению С.Н. Мареева, «с проблемой не справился». «Во всяком случае мне его трактовка метода восхождения у Маркса показалась слишком формалистической и абстрактной, лишенной того главного, на мой взгляд, что характерно для этого метода, именно содержательности, то есть имманентности содержанию, и конкретного историзма» [3, стр.64]. На позициях позитивизма в решении этой проблемы остался А.А. Зиновьев и позже в своей «комплексной логике» и концепции неоднозначных логик: нет никакой особой диалектической логики, а есть только логика формальная, которая исчерпывает всю проблематику логики диалектической, а диалектическая логика – это только политическая идеология и философская схоластика.

Если относительно многих философских текстов того времени А.А. Зиновьев был абсолютно прав, то относительно текстов Э.В. Ильенкова абсолютно не прав. Действительность, сущее не исчезало у Э.В. Ильенкова в «марее» идеального и «чистой мысли», а становилось истинным предметом философского анализа потому, что мышление у него – это не психическая функция отдельного индивида, не индивидуально присущая способность отдельного человека. И формы мышления – это не понятие, суждение и умозаключение, которые отлично изучаются формальной логикой, начиная с Аристотеля, но абсолютно не объясняют мышления как феномена культуры. Ведь не будем же мы впадать в «грех» «гносеологической робинзонады» и считать мышление продуктом «деятельности мозга». Мышление он трактует как атрибут социума. А формы мышления, в таком случае, первоначально – это формы деятельности человека как социального существа, то есть общества, социума, формы практики. Анализируя мышление под таким ракурсом, мы анализируем реальный социум в структурах и динамике его деятельности, причем как материальной, так и духовной.

В этой логике понятны сущность и специфика науки и научного познания как это было раскрыто В.Г. Ивановым и М.Л. Лезгиной в их концепции науки как процесса научного поиска, в ее эволюции как «science in flux», объективного процесса «восхождения сущего в идею» [4].

Коллективный Разум в лице науки по своим сложным путям, порой запутанным и не прямым, постепенно продвигается к абсолютной истине.

*Особая задача логики в таком случае – выяснить, каким образом происходит чудо рождения понятия не просто как абстракции, отвлечения от зримо-вещественного, то есть некоего знака, значка, звука (слова), обозначающего нечто другое. Это, вообще-то, не чудо. На каждом шагу мы можем обнаружить, как нечто обозначает другое, как за одной вещью стоит другая. Дождь «обозначает» облако, но мы же не говорим, что дождь – абстракция облака или облако – абстракция дождя. Особая задача состоит в том, чтобы объяснить, как в индивидуальном сознании рождается понятие как понимание сущности предмета, явления. То есть как понятие становится не просто знаком, а символом, наполненным смыслом как своим объективным содержанием. Символом в том шелленгианском понимании **синтеза** аллегории и схематизма, где ни общее (абстрактное) не обозначает особенного (конкретного), ни особенное (конкретное) не обозначает общего (абстрактного), но где и то и другое абсолютно едины. Само бытие возможности «не аллегорично и не схематично, оно есть абсолютная неразличимость того и другого – символическое» [5, стр. 109, 111]. Символ есть целое, которое непереводимо с помощью других знаковых систем, поэтому исследователи видели специфику символа в единстве абстрактного и конкретного, в «совпадении явления и идеи». Другими словами, «... как выработать такую абстракцию, которая выражала бы объективное существо фактов, данных в созерцании и представлении. Как образуется на основе переработки массы эмпирически очевидных фактов такое обобщение, которое выражает действительную природу рассматриваемого предмета, – вот та реальная проблема, решение, которой совпадает с решением вопроса о природе понятия в его отличии от абстрактно-общего представления» [6, стр.12].*

Г.В.Ф. Гегель рассматривает переход от чувственно-созерцаемой конкретности к понятию как форму движения от явления к сущности, от следствия – к его основанию, а не как движение от конкретного к абстрактному или от абстрактного к конкретному. Это движение от явления к сущности, от следствия к основанию, от наглядности представления к понятию как пониманию сущности, возможно только при условии выхода нашего анализа за пределы индивидуальной психики и за пределы психологии. «Связь понятия – теоретической абстракции, выражающей объективное существо предмета, – с практикой гораздо шире, глубже и сложнее. В понятии предмет схватывается не с точки зрения частной, узко прагматической цели, потребности, а с точки зрения практики человечества во всем всемирно-историческом ее объеме и развитии. Только эта точка зрения и совпадает в своей перспективе с рассмотрением предмета с точки зрения самого предмета. Только с этой позиции становятся различимыми объективно существенные определения

предмета, – “то, в чем предмет есть то, что он есть”, иными словами, образуется абстракция понятия» [6, стр.14]. Э.В. Ильенков здесь касается проблемы критериев существенного, объективного. «Различать существенное для субъекта (для его желаний, стремлений, целей и т.д.) и существенное для объективного определения природы предмета, совершенно независимой от субъективных устремлений» [6, стр.12] невозможно, опираясь на позитивистскую трактовку сознания вопреки декларации самого позитивизма о собственной независимости и объективности. «Воспроизведение конкретного в мышлении и есть та цель, которая определяет удельный вес и значение каждого отдельного акта обобщения» [6, стр.61], - пишет философ. Иными словами, речь идет о том, чтобы понятия не были пустыми, были конкретными, отражали действительность в ее существенных характеристиках. Не были симулякрами, фантазийными фантомами индивидуального сознания. «Это и значит, что все действительно научные, а не вздорные, непустые абстрактные определения возникают в человеческой голове вовсе не в результате бездумного, совершаемого на авось сведения конкретного к абстрактному, а только в результате систематического продвижения познания в русле общего закономерного процесса развития науки, в ходе конкретизации, имеющегося знания, через его критическое преобразование» [6, стр.62].

Сами же категории абстрактного и конкретного – это характеристики как чувственного восприятия, так и понятийного мышления. Абстрактное у Э.В. Ильенкова – это не только форма мысли, а конкретное – не только чувственно-наглядный образ. «В виде наглядного образа может быть усвоено знание бедное, тощее, однобокое. Логика в этом случае должна будет квалифицировать его как “абстрактное” знание, несмотря на всю его наглядность. И наоборот, в словесно-отвлеченной форме, на языке формул, прекрасно может быть выражено знание богатое, развитое, глубокое и всестороннее, – то есть конкретное» [6, стр.5].

Через категории абстрактного и конкретного, через их диалектику нам становится понятна сущность общества, которое сегодня называют информационным. Сущностью информационного общества является абстракция как отвлечение от богатства содержания, абстракция как новая форма отчуждения от человека его сущности, абстракция как современная форма деградации культуры как континуума смыслов [7].

Информационное общество превращает в абстракцию все, к чему прикасается. В абстракцию в информационном обществе превращается идеология. Одно дело – назвать идеологию «ложным сознанием» и считать ее современной формой политической мифологии. «Ложное сознание» и политические мифы все же имеют свою природу и свои корни, которые при анализе можно обнаружить и вскрыть в самом обществе. Но совсем другое дело – под заказ конструировать идеологемы и целые идеологические

концепции, с помощью которых поднимать целые народы на массовые движения. Абстрагируется в информационном обществе общественная психология. Из некоего исторически-органического системно-культурного образования со своей структурой и содержанием общественная психология в информационном обществе превращается в массовое сознание. Но абстрагируется также и само массовое сознание, поскольку сама обыденность и повседневность формируются не объективной реальностью, и даже не субъективной реальностью (иллюзия многих молодых людей, помешанных на индивидуальной свободе), а реальностью виртуальной, которая форматируется через «информационное поле» все теми же приверженцами информационного общества. Тип обывателя с виртуальным сознанием становится все более распространенным и воспроизводится в массовом порядке. Современное искусство абстрактно не только относительно художественного реализма, но даже и относительно художественного абстракционизма и авангардизма XX века. Никакой пролеткульт даже в самых своих смелых экспериментах не доходили до сегодняшних перформансов и инсталляций. Абстрагируется общественное сознание в целом, теряя свою целостность и системность.

В абстракцию в информационном обществе превращается не только объективно идеальное, но и сама социальная реальность с ее объективными общественными отношениями. Она виртуализируется. Суть этого процесса – замена объективных общественных отношений сконструированными, виртуальными. Виртуальная реальность – это вовсе не компьютерная, существующая в сетях или в цифровых «облаках». Термин пришел из физики, затем перекочевал в психологию и означает нечто одновременно и существующее, и не существующее; а точнее – существующее только в определенной ситуации взаимодействия, а в другой ситуации вдруг исчезающее. И эта виртуальная реальность становится характеристикой нашего сознания. Все это назвали сегодня «постоянно меняющееся общество» и отказались от самой возможности его знать и им, этим обществом, управлять. В абстракцию превращается народ, становясь населением, массой потребителей товаров, услуг, развлечений и удовольствий. К. Маркс писал об «абстрактном труде» как о научной абстракции, отражающей сущность капитализма. Но сегодня уже сам труд абстрагируется настолько, что перестает быть основанием культуры. Деньги в информационном обществе, как всем известно, уже давно перестали быть эквивалентом труда и превратились в абстракцию деривативов, объем которых превышает объем мирового ВВП минимум в десять раз. Абстрактна вся медиасфера, которая становится социальным полем нашего сегодняшнего существования, ибо СМИ не только теряют связь с действительностью, но и намеренно ее, эту связь, рвут, не считая эту связь чем-то существенным для самих себя. Появилось даже выражение «фэйковые СМИ».

Перечень признаков духовного кризиса и глобальной гуманитарной катастрофы далеко не исчерпан. Однако, как всегда во времена кризиса трагедия оптимистическая. И оптимизм заключается в следующем. Коль скоро концепция информационного общества не работает на человека, она сама есть абстракция, то есть нечто, плохо, не адекватно отражающее действительное положение дел. Следовательно, и информационное общество как виртуальная реальность существует ровно до тех пор, пока мы будем молиться на информацию, считая ее новым богом и сущностью современного общества и связывая с ней и только с ней свои стратегии коммуникации и развития. До тех пор, пока мы не поймем, что информация – это только атрибут материи, а не субстрат, у нас не будет ни полноценной коммуникации, ни развития. Скорее – напротив: эта тесная связь с информацией, навязываемая нам в качестве сущностной характеристики современности, будет уводить нас от богатства конкретного содержания и понятий культуры в мир абстракций, пустых форм, симулякров.

В частности, на наш взгляд анализ информационного общества как эмпирической данности через категории конкретного и абстрактного, а не через категорию информации, был бы более продуктивным для появления нового знания об обществе, в котором мы живем. Может быть появилось бы другое название, отражающее сущность современности лучше. Например – абстрактное общество, общество симулякров, мифологическое общество, виртуальное общество или что-то вроде этого.

Литература

- 1. Ицхокин А.А. Реставрируя смысл. Чего не досказал Заратустра. М.: изд. «Огни», 2003. -540 с.*
- 2. Швырев Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984.*
- 3. Мареев С.Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. Изд. 2-е доп. Москва: Эребус, 1997, 192 с.*
- 4. Иванов В.Г., Лезгина М.Л. Концепция перманентного становления науки как философская проблема // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. СПб., 2014, №3 (203).*
- 5. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М., 1966.*
- 6. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. URL: https://royallib.com/read/ilenkov_evald/dialektika_abstraktnogo_i_konkretnogo_v_ampquotkapitaleampquot_k_marksa.html#0*
- 7. Фомин А.П. Культура как континуум смыслов // Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки. №5(61). 2008.*